

RU

Межкультурный диалог: каким видится герой нашего времени из Москвы, Минска и Дели?

Зелезинская Н. С., Никола М. И., Шишкова

Аннотация. 28 апреля 2023 года в онлайн-формате состоялся международный круглый стол по проблемам литературоведения, компаративистики и межкультурной коммуникации «Дели – Минск – Москва: герой нашего времени в мировой и национальной литературе». Организаторами тематической дискуссии стали кафедра зарубежной литературы Литературного института им. А. М. Горького, кафедра всемирной литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета и кафедра теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета. Целевой аудиторией форума, прошедшего в онлайн-формате, явились преподаватели, аспиранты и студенты вышеназванных вузов, а также учителя литературы из перечисленных стран. Целью проведения международного круглого стола было определение ключевых особенностей героя нашего времени в глобальном (всемирном) и локальном (национальном) контекстах. Участникам круглого стола было предложено обсудить типы, архетипы, вечные образы, характеры в мировой литературе, представляющие собой слепок с героя нашего времени, обозначить доминирующие образы современной литературы, уловить универсальное в многообразии проявлений человеческих характеров и богатстве красок, которыми рисуют своих персонажей авторы разных национальностей, увидеть немеркнущие образцы в героях прошлого, проследить трансформацию представлений об идеальном герое, конгруэнтное в динамике исторических и социальных процессов, религиозных, эстетических и культурных установок. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе протагонистов в литературах современного многополярного мира, развивающихся под воздействием целого ряда геополитических факторов. В результате дискуссии доказано, что создание образа героя современной литературы неразрывно связано с мировосприятием автора, его социальной позицией и системой этических и эстетических взглядов, что приводит к доминированию определенных типов в современной литературе, равно новосозданных образов и воссозданных архетипов.

EN

Intercultural dialogue: Who is the hero of our time in Moscow, Minsk and Delhi?

Zelezinskaya N. S., Nikola M. I., Shishkova

Abstract. The international roundtable discussion on the problems of literary studies, comparative studies and intercultural communication “Delhi – Minsk – Moscow: The hero of our time in world and national literature” was held online on April 28, 2023. The organizers of the discussion on the subject were the Department of Foreign Literature of the Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, the Department of World Literature of the Institute of Philology of the Moscow State Pedagogical University and the Department of Translation Theory and Practice of the Faculty of Social and Cultural Communications of the Belarusian State University. The target audience of the online forum were teachers, graduate students and students of the above-mentioned universities, as well as literature teachers from the listed countries. The aim of the international roundtable was to identify the key features of the hero of our time in the global (world) and local (national) contexts. The participants of the roundtable were invited to discuss types, archetypes, timeless images, characters in world literature representing a mould from the hero of our time, to identify the dominant images of modern literature, to capture the universal in the variety of manifestations of human characters and the rich colours with which authors of different nationalities paint their characters, to see unfading patterns in the heroes of the past, to trace the transformation of notions about the ideal hero, the congruent in the dynamics of historical and social processes, religious, aesthetic and cultural attitudes. The scientific novelty of the study lies in a comprehensive analysis of protagonists

in the literatures of the modern multipolar world, which develop under the influence of a number of geopolitical factors. As a result of the discussion, it was proved that the creation of the image of the hero of modern literature is inextricably linked with the author's worldview, his/her social position and the system of ethical and aesthetic views, which leads to the dominance of certain types in modern literature, newly created images and recreated archetypes alike.

Введение

Актуальность проведения международного форума обусловлена интересом собравшихся к данному предмету исследования. Уже начало работы круглого стола по обозначенной тематике обнаружило проявление особого внимания к персонажам так называемой мультикультурной литературы, представители которой связаны органично с двумя и более культурами. Развитие этого направления в современном литературном процессе усилилось в постколониальную эпоху, в период интенсивных миграционных процессов и проявления глобалистских тенденций. Для достижения указанной цели проведения международного круглого стола было необходимо решить следующие задачи: во-первых, обосновать, каким образом смена литературных эпох повлияла на модификацию литературного героя; во-вторых, выявить, насколько сильным оказалось воздействие этнокультурной принадлежности автора на художественный уровень современного дискурса; в-третьих, определить парадигму изучения трансформированных, но непреходящих персонажей в зависимости от социокультурных, идеологических и религиозных контекстов.

Практическая значимость обсуждаемой проблематики заключается в возможности использования выводов участников форума о мультикультурных особенностях эволюции литературных героев в условиях плюралистического мира в спецкурсах по зарубежной литературе, культурологии и психологии, а также при составлении программ и чтении лекций в высших учебных заведениях гуманитарной направленности.

Обсуждение и результаты

Свидетельством признания мультикультурных писателей стало награждение многих из них в качестве лауреатов Нобелевской премии: В. Найпол (2001 г.), Дж. М. Кутзее (2003 г.), К. Исигуро (2017 г.), А. Гурне (2021). Один из ведущих исследователей мультикультурной литературы **проф. С. П. Толкачев** (Москва, Московский государственный лингвистический университет), открывая дискуссию круглого стола, показал круг общих проблем этой литературы, воплощенных в историях героев произведений мультикультурной литературы. Чаще всего это история мигрантов, переживающих кризис идентичности своей личности, ощущающих процесс ее расщепленности, ностальгирующих по цельности сознания.

Ценности, сформированные в герое на почве традиций родной культуры, в произведениях мультикультурных авторов вступают в противоречие с реалиями новой родины и вызывают кризис сознания персонажей. Герои-мигранты чувствуют себя в новом культурном хронотопе изгоями, влачащими «полужизнь». Роман с таким названием («Полужизнь», 2001) принадлежит перу В. Найпола, писателя индо-тринидадского происхождения, пишущего на английском языке. Та же проблематика разрабатывается и известным автором индо-пакистанского происхождения С. Рушди в романах «Золотой дом» (2017), «Дети полуночи» (1981) и др. Нередко герои мультикультурных произведений находятся в поисках опоры для восстановления утраченной цельности. Такова, к примеру, героиня Пилар в романе кубинки К. Гарсиа «Сновидения по-кубински» (1992), панк-художница, нашедшая поддержку в искусстве. Герои также могут искать душевное убежище в лоне своей диаспоры, как, к примеру, герои романа «Маленький остров» (2004) А. Леви, британского писателя, чьи родители были мигрантами с острова Ямайки. Подобный опыт может, однако, выливаться и в драматические формы криминальной жизни, описанной в романе писателя индийского происхождения Г. Малкани «Лондо-стан» (2007), где герои таким образом мстят чуждому им обществу за свое положение изгоев. Протагонисты, созданные мультикультурными авторами, нередко обращают свой взор в историю, как это делают, к примеру, персонажи романа «И пришло разрушение» (1958) африканского писателя Ч. Ачебе, вспоминающие свою нигерийскую глубинку, мир которой был разрушен с приходом белых завоевателей, презирающих местное население.

Продолжившая дискуссию **проф. М. И. Никола** (Москва, Московский педагогический государственный университет), в свою очередь, обратилась к мультикультурной литературе, в частности к роману писателя южноафриканского происхождения Дж. М. Кутзее «В ожидании варваров» (1980), подчеркнув актуальность проблемы цивилизации и варварства для культуры современного мира. Свое слово М. И. Никола обозначила как поиск активного героя, героя, способного на акт протеста против социального зла и несправедливости. Она высказала предположение, что в современной литературе преобладает персонаж, замкнутый в своем внутреннем мире, своих проблемах, герой с эгоцентричной природой, между тем как мы живем и существуем в очень сложном мире и обеспокоены перспективами его существования и сохранения жизни на земле. По ее мнению, читатель нашего времени нуждается в протагонисте с масштабным философским сознанием, в герое, который обладает активной волей, способностью к сопротивлению злу. Таких героев в современной прозе крайне мало. И чаще их можно найти у так называемых мультикультурных авторов, что не случайно. Непростые судьбы этих авторов, связь с несколькими культурами, задача утвердиться в пространстве чужой культуры и языка сформировали

у них более деятельную природу и широкий горизонт видения жизни. М. И. Никола в качестве примера выделила активного героя в романе Дж. М. Кутзее «В ожидании варваров», судьбу, который одновременно выступает повествователем, подчеркнув при этом глубокую психологическую разработку этого характера, проявившуюся в растущей к последствиям огромного разрыва между богатыми и бедными в Индии. Путь преодоления преград, выстроенных кастовыми ограничениями, социальными иерархиями и материальными крайностями, осознается автором в парадигме национальных культурных ценностей, но Адиги не пытается заострить противоречие между коллективным и индивидуальным: приверженность традициям не исключает поиска личного счастья.

О мультикультурном герое вела речь и **Т. В. Филиппова** (Москва, Литературный институт им. А. М. Горького (далее – Литинститут)), представив галерею героев А. Адиги, современного индийского писателя и журналиста, лауреата Букеровской премии 2008 г. Истории своих персонажей писатель превращает в социальный комментарий к последствиям огромного разрыва между богатыми и бедными в Индии. Путь преодоления преград, выстроенных кастовыми ограничениями, социальными иерархиями и материальными крайностями, осознается автором в парадигме национальных культурных ценностей, но Адиги не пытается заострить противоречие между коллективным и индивидуальным: приверженность традициям не исключает поиска личного счастья.

Мультикультурный герой – порождение XX в., мы мыслим его как нашего современника, возможно, самоидентифицируемся с ним – бытование этого образа в современной литературе предопределено культурно-историческими контекстами. Но не менее важно для дискуссии о герое нашего времени построение мостов между героями прошлого и настоящего, героями чужими и своими. Значимые ментальные сдвиги, произошедшие с человечеством после Второй мировой войны и на рубеже XX–XXI вв., снова и снова заставляют возвращаться к вечным образам. Обращается ли сознание автора и читателя XXI в. к героям прошлого, повторяет его черты в новых культурно-исторических контекстах или перевоссоздает их в образах соотечественников и переносит в свою культуру образы других литератур – ответ на эти вопросы неизменно положительный; проблема не в выборе вечных персонажей, а скорее в векторе их изменений и модусе сочетания с современными типами.

Говоря об универсальных моделях или образах, полученных из коллективного бессознательного и общего опыта людей разных рас и культур, **проф. Ранджана Банерджи** (Нью-Дели, Центр русских исследований Университета им. Джавахарлала Неру) подчеркивает, что они служат уникальным инструментом для раскрытия актуальных реалий жизни: влияния социальных условий на поведение человека и его психику в любую эпоху. Подтверждение этому тезису докладчик ищет в шекспировских сюжетах и персонажах.

Изображая актуальные проблемы своей эпохи, Шекспир освещает важные жизненные вопросы, которые неподвластны времени. Его произведения завоевали огромную популярность в России, особенно в XIX в. Среди популярных шекспировских пьес значительное место занимает трагедия «Король Лир» (1605–1606 гг.). Ее персонажи соответствуют социальным фигурам, которые признаны во всех культурах и легко узнаваемы в повествовании. То же относится к сюжету и мотивам трагедии.

Характерная особенность шекспировского периода очень хорошо передана в «Короле Лире» – старый патриархально-феодальный строй в процессе реформирования уступает место новой буржуазной психологии (*англ. the old patriarchal feudal system was for a reform giving way to the new bourgeoisie psyche*). Через противоречия поколений автор хорошо отражает конфликт ценностей, раскрывая недостатки как патриархальной, так и капиталистической системы. Шекспир показывает, как жажда денег и власти разрушает внутренний и внешний мир человека. Таким образом, трагический герой король Лир представляет собой уникального вневременного героя.

В русской литературе на тему шекспировского Лира написаны такие произведения, как «Свои люди – сочтемся» (1850) Александра Островского, «Степной король Лир» (1870) Ивана Тургенева, «Королева Лир» (1997) Людмилы Петрушевской. Интерпретация Лира тремя русскими авторами отличается друг от друга. Писатели-реалисты XIX в. Александр Островский и Иван Тургенев конструируют в своих произведениях типично шекспировскую ситуацию, раскрывая ее в соотнесении с национальной историей. Постмодернистская писательница (*англ. the postmodernist writer from the modern times*) Людмила Петрушевская, напротив, ломает архетипический характер короля Лира, реконструирует его с переходом власти к женщинам. Королева изображена в повести в контрасте с шекспировским королем.

Проф. М. С. Рогачевская (Минск, Минский государственный лингвистический университет) обращается к байроническому герою, выделяя концепции Истины, Знания и Смерти как наиболее востребованный современным сознанием элемент его семантики. В философской романтической драме-мистерии «Каин» (1821) Дж. Г. Байрон создал свой тип думающего и вопрошающего героя, развив и расширив библейскую ипостась Каина. В докладе подчеркивается амбивалентность дискурсивной составляющей драмы: неразрывность понятий добра и зла в дискурсе Каина и традиционность представлений о них в дискурсе Евы, взаимопроникновение старозаветного и новозаветного дискурсов, их диалогичность. Байронический герой Каин олицетворяет китсовскую «негативную способность», включающую интуитивное знание, а также сомнение в каких бы то ни было декларируемых знаниях и истинах. Дискурс Каина порождает идеи ниспровержения авторитетов, противоречия, релятивности, а также предвосхищает лакановские «лакуны» и «децентрализацию». Таким образом, дискурс Каина не просто отрицает предшествующий библейский дискурс, но и становится сам по себе децентрированным, постоянно открывающим лакуны в постижении истины, знания о мироздании и бесконечно «отложенное» постижение смерти.

В этом же поле выявления в исторической матрице элемента, конгруэнтного современному сознанию, высказывалась **К. А. Зиновьева** (Минск, Минский государственный лингвистический университет). Исследователь останавливается на психологизме прозы Х. Мантель как основной стратегии создания характеров в романе «Внесите тела» (2012). Сплетение исторического и психологического – смесь реальных фактов, воспоминаний о них, субъективной оценки событий и белых пятен истории – не позволяют говорить о надежности нарратива, но оставляют пространство для полноценных жизненных характеров и их свободных маневров.

С одной стороны, ключевые исторические события показаны через их активного участника. С другой стороны, внутренний мир героя, его видение происходящего сами становятся сюжетом истории.

К еще более раннему архетипу, представленному в агиографических жанрах, обращается в своем докладе **Н. С. Зелезинская** (Минск, Белорусский государственный университет). Первоначально образ святого мученика воплощал в себе доминирующий идеал эпохи Средневековья. Аскеза мыслилась как подражание герою агиографии, последний задавал образец поведения, произведение о нем – образец жанра. Английским каноническим житием считается «Житие св. Кутберта» св. Беда Досточтимого, структуры которого придерживалось большинство более поздних авторов. Однако Средневековым традиция не ограничилась. Докладчик указывает на смысловые и структурные параметры, позволяющие увидеть в биографиях Томаса Мора ориентированность на канон жития. Данная стратегия позволяет авторам-католикам – в наибольшей степени Уильяму Роуперу, зятю лорда-канцлера, – через формальные признаки подвести читателя к семантическим значениям, а именно к идентификации Мора со святым мучеником (крамольная мысль для того исторического момента). Далее докладчик размышляет об изменениях архетипа, о воплощении его отдельных характеристик в образе Гарри Поттера и делает вывод о распадении архетипа на три составляющие: святой, аскет, мученик, из которых наибольшую актуальность в современной художественной литературе приобретает последний, будучи помещенным в парадигму негероического героя подростково-молодежной литературы.

Именно негероическим персонажам и средствам создания их характеров в рассказах американских писателей было посвящено выступление **И. В. Соколовой** (Москва, Литинститут). Исследователь подчеркнула, что малая проза, в силу своей динамичности, способна уловить новейшие тенденции, запечатлеть еще до конца неосознанное, поэтому она является ценным материалом для изучения обсуждаемых проблем.

Современная американская новеллистика представляет нашу реальность как мир хаоса, равнодушный или даже враждебный человеку. Персонажем на этом фоне часто выступает асоциальная и даже маргинальная личность. Очевидно, именно этот факт дал основание известному литературному критику Джеймсу Вуду (James Wood) сделать вывод, что герой современной американской литературы «не дотягивает до человека» (*англ.* not fully human), что перед нами «искаженные персонажи» (*англ.* deformed characters).

Однако автор не выносит нравственных оценок, а, в соответствии с принципами «новой искренности», стремится найти объяснение даже самым чудовищным поступкам: ведь «в нашем мире нечестивые не лишены добрых намерений, а у добропорядочных немало дьявольских черт». Создаются новые методы характеристики: в роли протагониста выступает многослойная, изменчивая сущность, «дорисовывать» которую предстоит читателю. В помощь ему по тексту «разбросаны» подсказки: сны, галлюцинации, документальные вставки, мистификации, лингвистические трюки (*англ.* gimmicky). Появляется и новый тип «героя, лишенного ореола героизма» (*англ.* “unheroic hero”), он совершает благородные поступки случайно, по наитию, не отдавая себе отчета в происшедшем. Нередко в ничем не примечательную жизнь персонажей автор вносит элемент сюрреалистического, нагромождает причудливые образы, создает атмосферу фантасмагории. Популярным становится жанр «сказки для взрослых» – мифический нарратив, напоминающий притчу или античную басню. Характеры в этих произведениях похожи на «силуэты, вырезанные из картона фигуры», а не на реальных людей. Их схематичность, одноплановость призваны подчеркнуть отсутствие духовности в современном мире, монотонность и серость, безликость существования.

А. А. Алипова (Москва, Литинститут) рассмотрела проблему маргинальных персонажей в южных готических рассказах, в частности в произведениях Марка Ричарда и Уильяма Гея, характеризующихся трагической тональностью, вниманием к темной стороне человеческой души, эксплуатацией «шоковой терапии», а также неразрывной связи с историей американского Юга. Герой любого южного готического рассказа, будучи помещенным в тяжелые репрессивные обстоятельства наследия рабства и нищеты, либо принадлежит к неблагополучным классам общества, либо страдает от психологического расстройства. Такой герой часто является человеком с необычным восприятием действительности (святой дурак), разнорабочим или человеком без определенных занятий. К первым могут относиться как взрослые, так и детские персонажи. Например, в рассказах Марка Ричарда «День поминовения» (1998) и «Джентльменское соглашение» (1994) главные герои – дети, которые могут видеть то, что не видят другие. В первом рассказе мальчик ведет беседу о жизни с самой Смертью, а в последнем главный герой видит дьявола.

Изломанный, в чем-то даже опасный герой просто необходим авторам, поскольку в художественном мире, где насилие, расовая и религиозная напряженность, а также бедность и нищета становятся основой конфликта, именно герой выступает в роли катализатора, «гальванизирующего» художественную ткань литературного произведения.

В. В. Солодкий (Минск, Белорусский государственный университет) останавливается на поэтике американского романа Кристофера Ишервуда, чья автофикциональность как техника письма предвосхитила столь популярную в наше время стратегию слияния автора, повествователя и главного героя в одно действующее лицо. В своих романах Ишервуд создает героя, способного наблюдать за внешним миром, выражающего собственные чувства лишь косвенно с помощью изменения угла «камеры». Автофикциональность освобождает от лишней привязки к реальности и строгости реконструкции прошлого. Автовымысел рождает героя, способного говорить правдиво и искренне там, где выверенная структура автобиографии лишь отвечает правильными углами и сформированными посылами. Герой К. Ишервуда – это всегда сомневающийся изгнанник, переживающий утрату своего «Я» в мире идентичности стертой. Существует ли в таком мире место для яркого героя, когда вся жизнь становится лишь интертекстом событий различных эпох, стран, городов и культур,

когда хронологическое утрачено, а ось синтеза событий в романе перемещается во внутренний мир психологии человека? Автовымысел приносит необходимое сомнение, освобождающее от ответственности за выполнение «автобиографического пакта». Именно поэтому все чаще опыт автора, трансформирующийся в художественный текст, избавляется от фактологической сверки, оставляя читателю лишь чувства. Герой автофикционального текста – это универсальная маска, примеряемая читателем; это одно из воплощений модернистского принципа «литературы как самой жизни». Структура романов Ишервуда, отличающаяся отсутствием четкой хронологии, является следствием доминирования эмоционального над рациональным, психологизма над отстраненным и целостным автобиографическим взглядом «со стороны». В. В. Солодкий подчеркивает важность дальнейшего рассмотрения явления автовымысла, которое становится все более популярным способом изображать «правду чувств» без фокуса на конкретную личность и завершенности, замкнутости на ней.

О. И. Чуванова (Донецк, Донецкий государственный университет) говорила о постмодернистской чувствительности, герое желающем (*homo desiderans*) и стратегиях писателей-постмодернистов. Конец XX – начало XXI в. можно увидеть как «время вещей», как эпоху, которой свойственно «нагромождение, изобилие предметов» (Ж. Бодрийяр), обусловленных стремлением к потреблению. Анджела Картер в романе «Адские машины желания Доктора Хоффмана» (1972) показывает, как объекты-блага, призванные компенсировать внутреннюю пустоту посредством симуляции удовольствия, приводят к расколу человеческого «Я». Ведущие темы желания и обладания связаны с мотивами психологического и физического насилия и травмы, а также фантомностью и симуляцией. «Машины» А. Картер – отсылка к постструктурализму Ж. Делёза и Ф. Гваттари (шизоанализ), к «Инфернальной машине» Ж. Кокто и «Человеку-машине» де Сада. Желание в романе осложнено наличием платы за его исполнение – это и физическое наказание, подавляющее героя, и психологические манипуляции, подчиняющие его сознание. «Игры» Картер – взлом психики героя при помещении его в пограничные ситуации, требующие осуществления выбора. Функционирование «игр» и «машин» поддерживается в романе приемами «магического» реализма. Основой и залогом конструктов становится фантомность мира: продуцируемые «машинами» призраки-симулякры обнажают истинную природу желаний человека. В свою очередь, гиперреальность как модель «реального без оригинала и реальности» (Ж. Бодрийяр) обуславливает возможность интеллектуальной «игры» с читателем.

Разговор о герое, даже в рамках узких тем, непременно становится многовекторным ввиду разнообразия современных картин мира, не столь важно, претендуют ли они на универсальность. В этом ракурсе интересен «апофатический» подход к проблеме – поиск не-героя, антигероя и – *aliud ex alio malum* – злодея, к которому обратились три докладчика.

А. В. Вильчинская (Минск, Минский государственный лингвистический университет) говорила о Майкле Оуэне, протагонисте романа Джонатана Коу «Какое надувательство!» (1994), как о типичном не-герое постмодернистского романа, чья мораль неоднозначна, чьи высказывания всегда на грани этических представлений о гендерных, расовых, сексуальных и политических нормах, а поступки деструктивны по отношению к социуму и себе. При этом персонаж несовершенен, сложен, непонятен окружающим; и, возможно, это первый тип героя, который начинает соотноситься читателями с дискурсом травмы, предвзятое жанровое развитие романа травмы. Безошибочно узнаваемый сатирический пафос постмодернистской эстетики не только приложим к идеям и топосам произведения, но и накрывает, будто зонтиком, самого протагониста, развитие которого центробежно и тяготеет либо к трикстеру и перевертышу, либо к непонятому романтическому герою. По достижению временной дистанции этот образ сегодня, несомненно, ощущается как капсульный.

В докладе **М. К. Хараз** (Москва, Литинститут) рассмотрены, напротив, центростремительные образы, созданные американским драматургом Тони Кушнером в пьесе «Ангелы в Америке» (1991-1992). Философия автора – также построенная на постмодернистских концептах – воплощена в Луисе, самонареченном блюстителе морали, который скатывается к лицемерию, самооправданию и лжи, и Прайоре, высшими силами поставленном на пьедестал героя, хотя причина его избранничества неочевидна, а героичность как ментальность как ментальность показана драматургом во всем блеске релятивизма. Данные нарративные стратегии позволяют сделать вывод о человечности персонажей Кушнера, размытости дихотомии «герой» / «злодей» и вариативности ее составляющих.

Но времена, когда сказочные принцы под влиянием негативизма, амбивалентности и цинизма в один миг превращались в злодеев, а знак равенства между злодеями и антигероями был с трудом различим, незаметно прошли. Никакого постмодернистского трюкачества и иронии не желает допускать Лалин Полл («Пчелы», 2017), когда речь идет об экологических и социально-политических проблемах освоения Арктики. **Я. Ю. Муратова** (Москва, Литинститут) отмечает, что писательница осознанно возрождает героиню серьезных человеческих испытаний, географических подвигов и открытий, которыми овеяно историческое прошлое Арктики, и расставляет своих героев в разные углы ринга. Место современного злодея занимает представитель глобального лобби Джо Кингсмит, жаждущий обогащения и власти за счет природных ресурсов. Он не стесняется в средствах и способах достижения поставленных целей, а автор не расходует на него краску – в экоромане XXI в. черно-белые акценты всегда расставлены однозначно. Белая достается левому углу ринга: британский эколог Том Хардинг стремится всеми силами защитить хрупкую красоту севера и, подобно романтическому герою, готов пожертвовать собой ради сохранения хрупкого природного равновесия. Его близкий друг Шин Каусон стоит перед сложным выбором между желанными социальными благами, которые ему сулит работа при Кингсмите, и честными человеческими отношениями и личной совестью, что требует отказа от власти и богатства. В этом персонаже видны черты «героя нашего времени» – человека, стоящего перед серьезными дилеммами и вызовами современного мира. Четвертый угол достается читателю – ведь этот роман о дне сегодняшнем, «о тебе и обо мне», и о мере героического в каждом человеке.

Несмотря на то, что понятия «герой» и «героическое» в литературоведении XXI в. размываются и даже отрицаются, а «романтический герой» и вовсе видится противоположным нашему прагматическому миру, нельзя не заметить, что объектом анализа участников круглого стола часто становились произведения, выделяющиеся героическим и романтическим пафосом. Сколь бы неожиданным не показался этот акцент, та же перспектива вырисовывается и во внимании исследователей к англоязычному подростково-молодежному роману. Вероятно, именно в этом жанре граница между художественной условностью и реальностью XXI в. наименее различима – до такой степени, что комментарий к роману автор свободно продолжает в своем блоге, а юный читатель может воспринять оба текста как руководство к действию или совет психолога.

О прагматике жанра реалистического подросткового романа, возрастающую популярность которого отмечают издатели, говорила **проф. И. А. Шишкова** (Москва, Литинститут). Исследователь обращается к творчеству таких англоязычных авторов, как Жаклин Уилсон, Джо Джо Мойес, Марк Хэддон, Марисса Мейер и др., которые стараются раскрыть проблемы формирования *социальной идентичности* героев, их принадлежности к тем или иным группам и общностям, а также осветить связанные с этим различные жизненные перипетии, являющиеся неотъемлемой составляющей жанра реалистического подросткового романа. Главной темой в нем, по мнению многих исследователей, признается поиск своего места в правдиво отображенной действительности. В то же время как авторы, так и исследователи литературы для подростков не теряют интереса и к гендерному аспекту. Поскольку, согласно современным отечественным и зарубежным источникам о подростковой психологии, границы данного возраста все больше размываются (М. Мелия), авторам повестей и романов для подростков приходится учитывать тот факт, что половое созревание, действительно, «обгоняет» этапы стабилизации характера и формирование ответственности индивида перед собой и обществом. Последнее продиктовано модификациями этических ценностей социокультурной среды, что также оказывает влияние на расширение границ подросткового возраста.

Авторы произведений для подростков пытаются ответить на вопрос, чем отличаются их герои от соответствующих литературных персонажей 1980-90-х гг. В этой связи, по мнению психологов, можно назвать несколько отличий, таких как инфантилизация, отсутствие социальных навыков (подростки чаще общаются онлайн, чем офлайн, и подобное общение, конечно, остается для них ведущим видом коммуникации), техническая грамотность при неумелости в быту, погружение в виртуальную реальность и так называемая «некоторая новая чувствительность», утрата рефлексии, ценностная дезориентация и др. (М. Мелия).

Среди авторов, работающих в жанре *young adult literature*, – британская писательница Жаклин Уилсон, которая не боится касаться таких травмирующих тем, как межличностные отношения в семье и школе, развод родителей, травля сверстников и т. д., считая невозможным полностью защитить психику подростка от жизненных реалий, но возможным попытаться оказать ему существенную помощь через книгу. Если у читателей из благополучной среды нет тех проблем, которые знакомы детям из деградирующих семей, то они узнают о них из ее книг и другими глазами взглянут на происходящее с их ровесниками. Уилсон убеждена, что ее книги о подобных жизненных перипетиях прежде всего должны учить читателей сопереживанию и пробуждать в них «чувства добрые» по отношению к тем, кто находится с ними рядом.

При всей остроактуальной прагматике реалистического подростково-молодежного романа, он не перестает сохранять традиционные характеристики романа воспитания. Это убедительно показывает **Л. В. Сапегина** (Донецк, Донецкий государственный университет) на материале романа Дэвида Митчелла «Блэк Свон Грин» (2006). Роман рассказывает о взрослении тринадцатилетнего подростка Джейсона Тэйлора, который за год своей жизни проходит важные этапы психологического и духовного становления. Действие в романе разворачивается в период холодной войны – противостояния двух мировых систем, и произведение пропитано тревожными ожиданиями взрослых возможного начала Третьей мировой, но вместо этого вспыхивает война за Фолклендские острова, и топос войны становится общим фоном, на котором разворачивается повествование. У Джейсона, названного именем древнегреческого героя Ясона, своя война: он должен найти свой путь между Сциллой школьного буллинга и Харибдой семейного раздора и обрести «золотое руно» собственной идентичности. На фоне ядра жанра отчетливо прорисовываются отличия героя XXI в.: в противоположность подросткам-бунтарям середины XX века Джейсон мечтает о скорейшем взрослении и намерен вписываться в стандарты общества, в частности школьного подросткового мира, где бытуют жестокие нравы, где легко стать изгоем и объектом издевательств.

Анализируя роман, докладчик апеллирует к романтическому дискурсу, указывая, что взросление Джейсона включает в себя принятие своей инаковости и своего одиночества среди людей, как и положено поэту (он – не такой, как все, он – художник, мыслящий образами). Можно сказать, что «Блэк Свон Грин» – портрет художника в отрочестве, постмодернистская вариация жанра *Künstlerroman*. Однако в борьбе героя со своими слабостями и страхами, в противостоянии обществу, живущему энергиями войны, ненависти, агрессии, неприятия иного, другого, Л. В. Сапегина усматривает и героическое, что дает исследователю основания видеть в подростке героя нашего времени.

Заключение

Участники дискуссии говорили о героях разных национальных литератур и о глобальных литературных тенденциях. Тем не менее наметилось несколько векторов развития литературного героя: во-первых, мультикультурный герой, во-вторых, герой-подросток, а что касается вечных образов, судя по докладам и развернувшейся дискуссии, наибольшее внимание привлекают герой романтического плана (что звучит в унисон

с выбором юного героя) и вопрос о потенциальном и фактическом развитии категории героичности в художественном произведении XXI в. Неиссякаемый интерес также вызывает поэтика создания образов.

Участники дискуссии пришли к выводу, что даже выявленные доминирующие художественные образы и идеалы, на которые ориентируется сегодняшний автор, со всей определенностью указывают на невозможность их рассмотрения исключительно в парадигме глобализации. Вне социальных, исторических, культурных, идеологических и религиозных контекстов дискуссия была бы невозможна, а контексты, несомненно, различны для Индии, России, Беларуси и т. д. Однако герой современной литературы – это также и этическая, и эстетическая оценка автором современности и современников, а в наш век, век информационных технологий, оторваться от глобальной ситуации и пребывать в изоляции невозможно. Межкультурная чувствительность, безусловно, сообщает нам общечеловеческие ценности.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы героя участники дискуссии видят в продолжении рассмотрения данной тематики, что обусловлено требованиями современной эпохи и особенностями мирового литературного процесса.

Информация об авторах | Author information

RU

Зелезинская Наталья Станиславовна¹, к. филол. н.

Никола Марина Ивановна², д. филол. н., проф.

Шишкова Ирина Алексеевна³, д. филол. н., проф.

¹ Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

² Московский педагогический государственный университет

³ Литературный институт им. А. М. Горького, г. Москва

EN

Zelezinskaya Natalia Stanislavovna¹, PhD

Nikola Marina Ivanovna², Dr

Shishkova Irina Alekseevna³, Dr

¹ Belarusian State University, Minsk, The Republic of Belarus

² Moscow State Pedagogical University

³ The Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow

¹ zelezinskaya@bsu.by, ² nikola7352@mail.ru, ³ shishkova@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.05.2023; опубликовано (published): 10.07.2023.

Ключевые слова (keywords): герой нашего времени; компаративистика; межкультурная коммуникация; конгруэнтность; межкультурная чувствительность; hero of our time; comparative studies; intercultural communication; congruence; intercultural sensitivity..